

имени Мария, бывшей замужем за русским князем¹². Однако обе возможные атрибуции рвутся при более пристальном рассмотрении некоторых обстоятельств. Печать не может принадлежать жене Казимира Мниха, поскольку на ней изображен св. Андрей, не имеющий к ней никакого отношения. Дочь Казимира Мниха сводником Густынской летописи по ошибке названа дочь Казимира II Справедливого, действительно умершая в 1178 г., т. е. спустя 110 лет после смерти Казимира Мниха. Главное же возражение против связи печати Марии с именем Казимира Мниха заключается в том, что его прозвище не было родовым. Мнихом Казимира называли современники потому, что до занятия престола он, находясь в изгнании, временно принимал пострижение¹³. Поэтому, на наш взгляд, нет нужды предполагать сколько-нибудь серьезно, что рассматриваемая булла зафиксировала существование неизвестной письменным источникам дочери Казимира Мниха Марии, которая, что также неизвестно письменным источникам, вышла замуж за русского князя Андрея.

Большого внимания заслуживает другая возможная гипотеза, которая исходит из того обстоятельства, что и в Византии существовало родовое имя Монах. В XI в. известен правитель и стратег фемы Болгария Василий Монах¹⁴, из рода которого могла бы происходить наша архонтисса Мария. Эту возможность следует иметь в виду при дальнейшем анализе рассматриваемой буллы.

В определении печати нужно, однако, идти не от женского имени, а от мужского, поскольку сведения о князьях в русских летописях неизмеримо полнее, чем сведения о княгинях. В русской княжеской семье периода бытования булл «греко-русского типа» было только два князя Андрея. Один из этих князей — сын Ярослава Мудрого и отец Владимира Мономаха Всеволод-Андрей Ярославич, печати которого нам уже известны. Другим князем с именем Андрей был названный игуменом Даниилом смоленский князь Мстислав-Андрей Всеволодович, внук Игоря Ярославича, младшего сына Ярослава Мудрого¹⁵. Хотя Мстислав Всеволодович и не оставил потомства, а о же-

не его летопись не сообщает ничего, возможно, что он был женат, и вполне допустимо приписывать буллу архонтиссе Марии этой его вероятной жене, предполагая в ней представительницу византийского рода Монахов. Однако необходимо обратить внимание на следующее весьма значительное обстоятельство.

Время деятельности двух названных выше князей Андреев не совпадает. Всеволод Ярославич был самостоятельным князем с 1054 до 1093 г., а Мстислав Всеволодович упоминается в летописи с 1097 по 1114 г., самостоятельное его княжение относится к периоду около 1103—1107 гг.¹⁶ Эта хронологическая разница внешне незначительна, но нам следует особенно подчеркнуть ее в связи с общим обликом рассматриваемой печати. Во всей русской сфрагистике нет более близких по своему оформлению печатей, нежели буллы Марии и описанная выше булла Владимира Мономаха (№ 25). Эти печати обнаруживают сходство во всех деталях, начиная от общей компоновки типа до тождества титулатуры и фактурной близости. Разная сохранность предметов не позволяет установить с окончательной достоверностью их принадлежность одному мастеру, однако вопрос о едином авторстве обеих булл возникает неизбежно. А если это так, то, предположительно относя буллу Марии ко времени Мстислава-Андрея Всеволодовича, мы обязаны и рассмотренную выше печать Владимира Мономаха датировать началом XII в., возвращаясь в круг неразрешимых вопросов: почему эта печать оказывается анахронической относительно других булл Владимира Мономаха рубежа XI—XII вв., и т. д.

Противоречия предположенной атрибуции заставляют внимательнее присмотреться ко времени и семье Всеволода Ярославича, тем более что предпочтительная датировка рассмотренной выше печати Владимира Мономаха 70-ми годами XI в. укладывается в хронологические рамки княжения Всеволода Ярославича.

Умершая в 1111 г. вдова Всеволода Анна не была матерью Владимира Мономаха и, следовательно, единственной женой Всеволода Ярославича. Об этом прямо сообщается в «Повести временных лет» под 1097 г. «Всеволожая», т. е. вдова Всеволода Ярославича (названная Анной в «Повести» под 1111 г.), вместе с митрополитом Николаем приходит к Владимиру Мономаху, чтобы склонить его к миру со Святополком Изяславичем. Владимир согласился на мир, «преклонился на молбу княгинину, чтя-

¹² ПСРЛ, т. II, стр. 317 (под 6686 г.). Ср.: В. Н. Татищев. История Российская в семи томах, т. 3. М.—Л., 1964, стр. 115, 121, 251, 300.

¹³ ПСРЛ, т. II, стр. 266.

¹⁴ Упоминается в источниках в 1048—1053 гг.

¹⁵ В. Л. Янин. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила». «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. XVI, 1960.

¹⁶ Там же, стр. 121—122.